

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-3-5-23>

ФРАГМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ПОЛИТИКИ¹

Е. Н. Смирнов

Государственный университет управления, Москва, Россия

В статье проанализированы ключевые вопросы, связанные с фрагментацией международной торговли на современном этапе развития мировой экономики. Рассмотрено воздействие экономической глобализации на сбои в современном международном обмене, в том числе в хронологическом контексте формирования современной структуры международной торговли. Выявлены основные каналы фрагментации торговли, включающие неоднозначную динамику трансграничных прямых инвестиций, агрессивность мер экспортного контроля, предпринимаемых ключевыми странами, а также стрессы, наблюдающиеся в глобальной платежной системе. Отдельным аспектом исследования стал анализ вопросов, касающихся национальной безопасности, диктующих применение разнообразных субсидий, что является дополнительной детерминантой фрагментации международной торговли. Доказано, что фрагментация привела к неопределенности и повышенной волатильности мировых рынков сырья, усилила спекулятивный и финансовализированный характер их развития. Отмечено, что в целом международная торговля под влиянием фрагментации должна становиться более адаптивной. В связи с этим необходимо продолжать развитие многостороннего сотрудничества, при этом оно должно происходить в принципиально ином формате и при помощи альтернативных инструментов, направленных на развитие новых моделей торговли.

Ключевые слова: экономическая глобализация, преференциальные торговые соглашения, торговая политика, транснациональные корпорации, прямые иностранные инвестиции.

FRAGMENTATION OF INTERNATIONAL TRADE: INTERIM RESULTS, CHALLENGES AND POLICY ISSUES

Evgenii N. Smirnov

State University of Management, Moscow, Russia

The article analyzes key issues related to the fragmentation of international trade at the current stage of global economic development. The impact of economic globalization on disruptions in modern international exchange is discussed, including in the chronological context of the formation of the modern structure of international trade. The main channels of trade

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств федерального бюджета по государственному заданию «Исследование стратегических аспектов развития внешней политики Российской Федерации в контексте перезагрузки международных отношений (социально-экономический аспект)»; код научной темы, присвоенной учредителем, – FZNW-2024-0031).

fragmentation are identified, including the ambiguous dynamics of cross-border direct investment, the aggressiveness of export control measures taken by key countries, as well as stresses observed in the global payment system. A separate aspect of the study was the analysis of national security considerations dictating the use of various subsidies, which is an additional determinant of the fragmentation of international trade. It is proven that fragmentation has led to uncertainty and increased volatility in global raw materials markets, and has strengthened the speculative and "financialized" nature of their development. In general, international trade under the influence of fragmentation should become more adaptive, and it is necessary to continue developing multilateral cooperation, but it should take place in a fundamentally different format and with the help of alternative instruments aimed at developing new trade models.

Keywords: economic globalization, preferential trade agreements, trade policy, transnational corporations, foreign direct investment.

Введение

После нескольких десятилетий экономической глобализации международная торговля столкнулась с рисками фрагментации. Неравномерное и слабое восстановление мировой экономики после кризиса 2008–2009 гг. сопровождалось усиливающимся китайско-американским торговым конфликтом (с последующим ростом торговых ограничений между другими странами), выходом Великобритании из Европейского союза (ЕС), нарастающими локальными геополитическими конфликтами. Параллельно в экспертном и научном сообществе обострялась дискуссия о том, правильна ли многосторонность, а также о неравном выигрыше отдельных субъектов мирового хозяйства от глобализации.

Пандемия коронавируса в 2020 г. и начало специальной военной операции (СВО) в 2022 г. стали двумя мощными триггерами для международной торговли. В связи с этим авторитетные исследователи [2. – С. 5] обратили внимание на такое явление, как геоэкономическая фрагментация, в самом общем виде представляющее собой диаметральный разворот от экономической глобализации, которая наблюдалась во второй половине XX в. Так, государства ответили на пандемию беспрецедентными ограничениями на торговлю товарами и перемещение людей, а с началом СВО произошел геополитический раскол мирового сообщества, сопровождавшийся обширными санкциями, нарушившими международную торговлю и подвергнувшими сложным испытаниям глобальную финансовую архитектуру.

Глобализация торговли длительное время способствовала росту доходов населения разных стран, что существенно снизило глобальную бедность. При этом в мире наблюдался рост неравномерности в социально-экономическом развитии, поскольку группа потребителей с низкими доходами в развитых странах получала непропорционально больший выигрыш от уменьшения цен. Однако, если в условиях фрагментации торгово-экономические связи между странами разрушаются, это отрицательно сказывается прежде всего на указанной группе потребителей. По-

мимо торговли, фрагментация затрагивает многие каналы, однако ее проявление в международном обмене больше всего негативно воздействует на экономический рост и глобальное распространение технологий.

Продолжающееся ослабление глобального экономического роста

Фрагментация международной торговли может являться как причиной, так и следствием ослабления глобального экономического роста. Итоги экономического роста в 2022–2023 гг. свидетельствуют о предрецессионном состоянии мировой экономики. Между основными регионами наблюдается дифференциация темпов роста, и такая же дифференциация наблюдается внутри групп как развитых, так и развивающихся стран. Глобальная инфляция все еще выше допандемического уровня, но в целом поставлена под контроль. Черета банковских кризисов в 2023 г. не привела к поражению глобальной финансовой системы, тогда как мировые цены на сырьевые товары немного стабилизировались. Вместе с тем дифференциация восстановления экономики в странах и регионах, рост асимметрии в богатстве и доходах, а также беспрецедентная перегруженность заимствования в мире – основные негативные детерминанты для долгосрочной экономической устойчивости и стабильности.

В данном контексте особую тревогу вызывает экономическое положение развивающихся стран, которым необходимы доступное финансирование, стабильные обменные курсы и благоприятная глобальная среда с устойчивым спросом. Последний позволит укрепить промышленный потенциал, ускорить рост экономик и выполнить обязательства указанной группы стран. Вместе с тем центральные банки стран мира в основном концентрируют внимание не на долгосрочной финансовой устойчивости, а на кратковременной монетарной стабильности. Ситуация усугубляется несерьезным отношением к росту неравенства и неэффективным регулированием мировых рынков сырья, что подрывает экономики развивающихся стран и фрагментирует международную торговлю, в которой развивающиеся страны играют ключевую роль.

Вряд ли в краткосрочной перспективе стоит ожидать серьезных улучшений состояния мировой экономики. Неадекватное регулирование финансовых рынков и перегруженность долгами угрожают продовольственной безопасности и финансовой стабильности и в целом ставят под сомнение возможности осуществления стратегии сбалансированного и устойчивого роста. Параллельно с этим ключевые транснациональные корпорации (ТНК) аккумулируют основные доходы, получаемые в мировой экономике.

Специалисты Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) рассматривают решение указанных проблем посредством реализации такой политики, когда процентные ставки воздействовали бы

не только на параметры инфляции, но и на экономическую активность, финансовую стабильность, неравенство доходов и занятость [7. – С. XX]. Если учитывать взаимосвязанность стран в международной торговле, долгосрочные инвестиции в условиях высоких процентных ставок, безусловно, будут испытывать застой, системно отражаясь на экономике и торговле развитых стран.

Риски фрагментации торговли в контексте замедления экономической глобализации

Фрагментация международной торговли происходит не в результате автономных изменений в технологиях или предпочтениях (например, если наблюдается переход от производства товаров к услугам, которые, как известно, менее торгуемы). Речь идет о потерях от торговых барьеров между странами, которые усиливаются из-за невозможности трансфера технологий, что ударяет в большей степени по развивающимся странам. Так, исследователи оценивают издержки геоэкономической фрагментации для мирового производства в диапазоне 0,2–7% валового внутреннего продукта (ВВП), а с учетом технологического фактора эти издержки могут достигать 8–12% ВВП [2. – С. 4].

Исторически экономическую глобализацию принято характеризовать как процесс, ведущий к более свободному перемещению товаров, услуг, людей, капитала и знаний через границы государств, в свою очередь этапы развития глобализации принято описывать при помощи открытости торговли, т. е. отношения глобального экспорта и импорта к мировому ВВП. Для каждого из этапов глобализации были характерны специфические конфигурации развития международной торговли и правила ее регулирования. При этом этапы глобализации характеризовались то приливами, то отливами (табл. 1).

На современном этапе с учетом мощных триггеров в развитии мировой экономики гиперглобализация сменяется так называемой полиглобализацией, т. е. глобализация децентрализуется и в ней доминирует несколько игроков с заменой универсальной многосторонности конкурентной. Полиглобализация сопровождается внутривнутристрановым неравенством, деиндустриализацией экономик некоторых стран и замедлением глобальной торговли и инвестиций.

В 1990–2010 гг., когда наблюдался пик гиперглобализации, международная торговля выросла в четыре, а ПИИ – в семь раз. В 2023 г. динамика международной торговли была ниже исторического уровня, при этом торговля промышленными товарам отставала от торговли услугами и нематериальными активами. После кризиса 2008 г. ПИИ в большинстве развивающихся стран стагнировали.

Т а б л и ц а 1

Основные этапы экономической глобализации

Наименование этапа	Хронологические рамки	Основные характеристики	Отношение глобальной торговли к мировому ВВП, % (≈min-max)
Индустриализация	1870-1914 гг.	Мировая торговля с доминированием стран Европы, США и Канады базировалась на золотом стандарте и развивалась преимущественно за счет новых достижений в сфере транспорта, что способствовало снижению издержек в торговле и росту ее объемов	28-41
Период между двумя мировыми войнами	1914-1945 гг.	Разворот глобализации вспять в результате роста протекционизма (в качестве примера можно привести Закон Смута - Хоули в США) и обострения геополитических конфликтов. После отхода стран от золотого стандарта и введения барьеров в торговле международная торговля значительно регионализировалась	15-43
Эра Бреттон-Вудса	1945-1980 гг.	США лидировали в мировой экономике и их валюта, привязанная к золоту, стала основой международных расчетов. Либерализация торговли и послевоенное восстановление привели к значительному росту экономик многих стран. Система стала неустойчивой вследствие экспансионистской, монетарной и фискальной политики США, поэтому к 1974 г. страны от золотодолларового стандарта перешли к плавающим валютным курсам	15-27
Либерализация	1980-2008 гг.	Барьеры в международной торговле (в том числе в торговле с Китаем) были постепенно устранены, а страны демонстрировали беспрецедентный уровень интеграции в международную торговлю (включая страны постсоветского пространства). В исследовании С. Байера и Дж. Бергстранда [2] подтверждается определяющая роль либерализации в росте международной торговли на данном этапе. В 1995 г. была создана Всемирная торговая организация (ВТО). Наблюдался резкий рост трансграничных прямых иностранных инвестиций (ПИИ), портфельных инвестиций и межбанковского кредитования, усиливая взаимосвязанность и сложность глобальной финансовой системы	25-56
Слоубализация	2008-2021 гг.	Замедление глобализации (слоубализация) после глобального кризиса 2008-2010 гг., в результате чего международная торговля и трансграничное кредитование также замедлились	50-57

В эпоху гиперглобализации рост межстрановой торговли происходил преимущественно за счет распространения глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), контролируемых ТНК развитых стран. Однако развивающиеся страны, имеющие избыточные трудовые ресурсы, обслуживали звенья этих ГЦСС. В литературе нет конкретных свидетельств по поводу того, что такая модель была однозначно эффективна, поскольку развивающиеся страны, видимо, ожидали действия положительных побочных эффектов от торговли промежуточными ресурсами (запчастями, полуфабрикатами, компонентами). Таким образом, если развивающиеся страны не могут эффективно использовать доходы от этой торговли в качестве капиталовложений в производство, это ограничит их возможности социально-экономического развития (как это было в свое время, например, в новых индустриальных странах Азии).

Концентрация экспорта развивающихся стран росла, тогда как крупные ТНК увеличили свою ренту, и этот рост в комбинации с указанной концентрацией привел к тому, что глобальная доля труда (как фактора производства) в доходах снижалась, усиливая неравенство между странами по доходам. При этом выигрыш от участия в международной торговле для разных групп стран был разным. Как до, так и во время пандемии, концентрация экспорта росла, однако факторные доходы распределялись в пользу собственников капитала – крупнейших в мире ТНК.

В целом либерализация международной торговли способствовала формированию ее современной структуры и институтов глобального регулирования (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Черты международной торговли, сложившиеся
под воздействием глобализации**

Черта 1	Характеристика 2
Усложнение сетей межстрановых связей в торговле	В последние два десятилетия резко выросли (помимо товарной торговли) трансграничная торговля услугами, перемещение людей и финансовые потоки, что сделало мир более взаимосвязанным
Рост степени интернационализации цепочек поставок	Это стало возможным за счет аутсорсинга производства и услуг от развитых стран в страны с дешевой и квалифицированной рабочей силой. Как результат, торговля промежуточной продукцией значительно превысила торговлю готовой продукцией
Высокая степень концентрации производства многих ключевых товаров	Усиление международной специализации привело не только к росту эффективности, но сделало хрупкими ГЦСС, когда некоторые страны стали доминировать в цепочках по определенным товарам. Кроме того, ГЦСС стали в большей степени уязвимы вследствие торговых барьеров и геополитических сбоев [11]. Так, мировое производство ключевых видов сырья сконцентрировано в нескольких странах; в современных условиях это важно, особенно когда эти страны находятся под санкциями (как, например, Россия)

Окончание табл. 2

1	2
Усиление позиций развивающихся стран в глобальной торговле	Возросла доля развивающихся стран как в мировом ВВП, так и в высокотехнологичном экспорте, добавленной стоимости, создаваемой в промышленности. В 1995–2019 гг. доля США, Великобритании, стран ЕС и Японии в мировом ВВП снизилась с 74% до 50%. Примечательно, что резко ухудшились позиции развитых стран в мировой обрабатывающей промышленности, где доля Китая уже достигла одной трети. Крупные развивающиеся страны стали экспортерами (а не получателями, как ранее) ПИИ. Китай стал центром притяжения международной торговли, и его обмен с развивающимися странами в 1990–2021 гг. вырос в 131 раз, с развитыми – в 31 раз, тогда как за этот же период торговля развитых стран между собой выросла лишь в 4 раза [3. – С. 8–9]

Каналы фрагментации международной торговли

Замедление и фрагментация международной торговли находят свое отражение в целом комплексе детерминант, ограничивающих развитие межстранового обмена. В частности, после глобального кризиса 2008–2010 гг. трансграничное кредитование резко снизилось (это было обусловлено тем, что банки восстанавливали свои буферные запасы капитала после кризиса), из-за этого снизилось и международное движение капитала. Как следствие, замедлилась торговля, что происходило отчасти из-за фактора цикличности (отражая снижение спроса), а также по структурным причинам (изменения в ГЦСС, по мнению исследователей [6], проявляются, например, в том, что в Китае выросло производство промежуточных товаров, которые заменили импортные товары в ГЦСС). В свою очередь развитие интернет-технологий поддерживало нормальные темпы роста международной торговли услугами (особенно трансграничные финансовые услуги).

Кроме того, в пользу фрагментации международной торговли свидетельствует и то, что в последние годы наблюдалось сокращение глобальных ПИИ, поскольку ряд экономических и геополитических потрясений вызвал высокую неуверенность инвесторов. Отметим, что для глобальных ПИИ было характерно резкое падение в 2020 г. и резкое восстановление в 2021 г. Турбулентность на финансовых рынках, опасения рецессии и рост инфляции стали ключевыми экономическими факторами сокращения ПИИ на 12% в 2022 г. В настоящее время рост привлечения ПИИ демонстрируют лишь крупные развивающиеся страны. Рост мировых цен на энергоносители привел к снижению ПИИ в традиционной энергетике и их развороту в сторону возобновляемых источников энергии (здесь ПИИ выросли втрое с 2015 г.). На международных рынках капитала наблюдается увеличение зеленого финансирования в виде облигационных займов [8. – С. 4–5]. Снижение и замедление ПИИ в 2022–2023 гг. были обусловлены высокой долговой нагрузкой, ростом мировых

цен на сырье и началом СВО. При этом глобальная среда для ПИИ в 2023 г. оставалась сложной, поскольку геополитическая напряженность не уменьшалась. Вместе с тем на развивающиеся страны приходилось уже 70% глобальных потоков ПИИ (рекордный показатель в истории), а количество анонсированных новых инвестиционных проектов в этих странах возросло на 37% [8. – С. 14]. При этом возросло количество проектов в отраслях с интенсивным использованием ГЦСС (производство электроники, в машиностроении, производство полупроводников).

Указанные тренды в глобальных ПИИ в целом свидетельствуют не только о процессах фрагментации в торговле, но и значительном изменении ее структуры. После волатильности 2020–2022 гг. рост международной торговли в 2023 г. был самым слабым за все годы после Второй мировой войны (лишь 1%). Рост товарной торговли был отрицательным, а обмен услугами продолжил рост. Все чаще в дискуссиях по проблемам торговой политики стали использоваться такие новые термины, как «деглобализация», «решоринг», «слоубализация», «френдшоринг», «фрагментация».

Вместе с тем в торговой политике страны стали использовать новые механизмы экспортного контроля, нацеленного на решение внутренних экономических проблем. В связи с этим происходит реструктуризация и трансформация глобальных цепочек поставок, актуализируя все новые проблемы для развивающихся стран в преодолении ими финансового стресса и улучшения инвестиционного климата. В числе рисков развивающихся стран – то, что они оказываются вовлеченными в торговые конфликты между ключевыми державами, которые вводят односторонние протекционистские меры в торговле и используют запрещенные приемы промышленной политики (например, субсидирование). Это затрагивает экспорт развивающихся стран, затрудняя их структурные реформы и замедляя экономический рост. Реструктуризация глобальных цепочек может принести и пользу развивающимся странам в будущем, особенно для экспортеров стратегически значимых полезных ископаемых, используемых при реализации стратегий декарбонизации. Между тем успех использования данной стратегии во многом будет зависеть от доступа развивающихся стран к дешевым и надежным источникам финансирования инвестиций.

Почему начали происходить фундаментальные изменения в торговой политике? В 2000-е гг. Китай стал лидером в экспорте продукции обрабатывающей промышленности, а в последние годы наблюдался перманентный рост дефицита торговли США с Китаем, что привело к последовательному повышению тарифов на импорт из Китая начиная с 2017 г. Следствием этого стала существенная переориентация китайского экспорта, в основном в страны ЕС. Парадоксально, но нынешний китайско-американский торговый конфликт привел к тому, что товарный им-

порт США из Китая достиг очередного пика, который наблюдался еще до пандемии, поскольку рос импорт продукции, не попавшей под сферу действия тарифов. Таким образом, совокупный импорт США товаров и услуг из Китая достиг в 2022 г. исторического максимума в 564 млрд долларов [7. – С. XX], а для Китая США остаются первым рынком сбыта, хотя издержки для торговых партнеров двух стран, безусловно, возросли.

Ранее было принято говорить о таких преимуществах глобализации международной торговли, как снижение потребительских цен и транзакционных издержек, а также об ускорении трансфера технологий. Однако обнаружились негативные распределительные последствия торговли, когда резко стали расти доходы самых богатых людей, актуализируя новые проблемы неравенства. Недовольство глобализацией усиливается также вследствие применения ТНК недобросовестных налоговых практик и использования государствами промышленных субсидий. Торговый конфликт между США и Китаем, продолжающийся с 2018 г., парализовал прогресс в многостороннем регулировании торговли (в частности, в рамках системы разрешения споров в ВТО).

С началом пандемии и российско-украинского конфликта проблемы в международной торговле усилились. Пандемия привела к новым ограничениям экспорта, а с началом СВО возникли сбои на мировых рынках сельскохозяйственной продукции и энергоносителей. В частности, только за 2022 г. больше 30 стран ввели ограничения экспорта удобрений и продовольствия. В начале пандемии свыше 80 стран запретили экспорт средств индивидуальной защиты и медицинских товаров, а после начала СВО еще 35 стран ввели около 100 барьеров на экспорт сельскохозяйственной продукции. Возник хаос на рынках энергоносителей Европы. Поэтому те ГЦСС, которые в условиях глобализации работали эффективно, вследствие нынешней геополитической напряженности и пандемии стали менее устойчивыми.

В свете того, что страны вводят временные ограничения либо запреты на экспорт, следует отметить, что ВТО допускает такую практику для снижения дефицита каких-либо товаров, однако необходимо доказать, что такая практика действительно имеет место, и что есть некоторая пропорциональность вреда внутреннему рынку. В конечном итоге подобные односторонние меры причиняют существенный вред, и в будущем необходимы исключения из общих правил, предусматривающие ограничения экспорта, например, по товарам первой необходимости.

Отдельно фрагментация международной торговли проявляется через систему глобальных платежей. Большинство трансграничных платежей за поставки в международной торговле осуществляются через корреспондентские отношения банков. Чтобы этот процесс был бесперебойным, необходимы единые стандарты, которые в свое время были созданы посредством использования специальной международной системы обме-

на сообщениями между банками – SWIFT, включающей свыше 11 тыс. банков в более чем 200 странах. В Китае в качестве потенциальной альтернативы была создана своя система расчетов по трансграничным операциям в юанях (CIPS). Однако в CIPS участников гораздо меньше (около 1,3 тыс.), и для осуществления большинства платежей она пока в большей степени полагается на SWIFT.

В условиях фрагментации международной торговли многие страны, вероятно, будут стремиться к большей независимости с точки зрения использования платежной инфраструктуры, создавая собственные национальные/региональные системы. Однако такая фрагментация глобальной платежной системы, во-первых, снизит ее эффективность (при существовании конкурирующих друг с другом альтернативных национальных систем); во-вторых, развитие новых систем будет означать некоторый отход от реформирования прежней глобальной платежной системы; в-третьих, фрагментация глобальной платежной системы усилит фактор предвзятости к торговле между отдельными блоками стран (дружественные vs недружественные), что, безусловно, изменит модели торговли и инвестиций, которые будут концентрироваться вокруг новых региональных центров. Таким образом, фрагментация глобальной платежной системы приведет в перспективе к еще большей фрагментации международной торговли.

Дополнительно фрагментация торговли может отрицательно воздействовать на международную финансовую безопасность и мировую валютную систему. Если ранее мы говорили о финансовой глобализации, то теперь глобальная платежная система и мировой финансовый рынок могут стать фрагментированными. Это усилит макроэкономическую волатильность и риски глобальных кризисов. Значительный риск имеется и для национальных резервных активов, поскольку страны, видя риски фрагментации мировой экономики, могут попытаться диверсифицировать резервы (в том числе на основе цифровых технологий), и это может непредсказуемо усилить волатильность финансовых рынков. В итоге фрагментация торговли может ослабить возможности глобальной системы финансовой безопасности по решению кризисов суверенной задолженности.

Соображения национальной безопасности и фрагментация торговли

Геополитическая напряженность обусловила введение странами новых ограничений в торговле исходя из соображений национальной безопасности и стратегической конкуренции. Геополитические конфликты, как это указывает С. Эвенетт [6], привели к ограничениям для ПИИ. Закон о снижении инфляции в США, принятый в 2022 г., в том числе со-

держит положения о стимулах для отечественных производителей¹, которые вводятся в ущерб зарубежным производителям. В ЕС в 2023 г. был принят так называемый Закон о чипах, нацеленный на поддержку полупроводниковых технологий в ЕС, а в Китае – программа субсидирования «Сделано в Китае – 2025», обеспечивающая достижение Китаем высоких конкурентных позиций на высокотехнологичных рынках. США до последнего времени продолжают политику ограничения экспорта в Китай технологий производства полупроводников, программного обеспечения и высокотехнологичной продукции. Все указанные меры диктуются соображениями национальной безопасности.

Международные организации имеют свои рамки для применения мер, принимаемых исходя из соображений международной/национальной безопасности, однако многие из этих договоренностей были достигнуты несколько десятилетий назад и вряд ли соответствуют нынешним реалиям развития международной торговли. В частности, МВФ подробно регламентирует процедуру введения ограничений на международные переводы и платежи из соображений безопасности². ВТО с 1982 г. допускает введение странами торговых мер исходя из соображений национальной безопасности. Аналогичного подхода придерживается Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своих Руководящих принципах инвестиционной политики для стран – получателей ПИИ.

В частности, один из важных вопросов, связанных напрямую с соображениями национальной безопасности и фрагментацией торговли, касается применения странами субсидий. Общеизвестно, что рост использования субсидий ведет к искажению трансграничных потоков торговли и инвестиций, а серьезные разногласия стран по поводу субсидий ведут к дополнительной торговой напряженности и наносят ущерб уровню жизни и препятствуют экономическому росту стран. В последние годы страны возобновили промышленную политику, направленную на развитие стратегически значимых отраслей, что привело к распространению применения субсидий.

Вместе с тем исторически ВТО пыталась создать основу для регулирования субсидий, приняв в 1995 г. Соглашение по сельскому хозяйству и Соглашение о субсидиях и компенсационных мерах, однако детальное регулирование субсидирования в сфере услуг было отложено. Многие современные преференциальные торговые соглашения (ПТС) уже содержат списки запрещенных субсидий. Однако в практике как ВТО, так и ПТС, проблема регулирования субсидий так и не была комплексно решена. Например, искажающие торговлю субсидии национальным фер-

¹ Inflation Reduction Act of 2022. – URL: <https://www.irs.gov/inflation-reduction-act-of-2022> (дата обращения: 15.03.2024).

² Payments Restrictions. – URL: [https://www.imf.org/en/publications/selected-decisions/description?decision=144-\(52%2F51\)](https://www.imf.org/en/publications/selected-decisions/description?decision=144-(52%2F51)) (дата обращения: 12.02.2024).

мерам до сих пор широко распространены, равно как и «вредные» субсидии на рыболовство, до сих пор разрешенные ВТО. Пробелы в применении субсидий четко проявились по мере развития цифровой экономики (сетевые эффекты), ГЦСС и новой климатической повестки. В связи с этим необходимо более широкое сотрудничество стран по поводу применения субсидий, влияющих как на производство, так и на торговлю. Национальные субсидии между тем могут сделать невыгодным положение других отраслей экономики, конкурирующих на международных рынках. Особо интересны «вредные» для международной торговли субсидии [11. – С. 3–4], когда будет повышаться/понижаться благосостояние стран в зависимости от того, являются они экспортёрами или импортёрами субсидируемого товара

Субсидии могут принимать разные формы – налоговые льготы, льготное кредитование, ценовая поддержка со стороны государства, предоставление со стороны государства на льготных условиях товаров/услуг. Следует отметить, что некоторые меры, обеспечивающие поддержку производителям, субсидиями не являются. Так, экспортные ограничения могут способствовать снижению цен на ресурсы для национальных производителей, а ограничения на импорт приносят национальным производителям пользу, поскольку цены на внутреннем рынке растут. Так, ОЭСР указывает, что эта поддержка рыночных цен в сельском хозяйстве в 2018–2020 гг. составила около 270 млрд долларов [1].

Обычно противники субсидий приводят аргумент, что они выступают своеобразным клином между издержками производства и ценами. Субсидируемая отрасль растет за счет ухода ресурсов из других отраслей, которые сокращаются. Получается, что субсидии могут негативно влиять на инновационные и передовые компании в сокращающихся отраслях, что будет в целом способствовать снижению производительности. Особо плачевной для экономики будет ситуация, когда наступит (вследствие внешних эффектов) перепроизводство субсидируемых товаров.

Субсидии могут исказить инвестиции в торговлю, а также подрывать экономику зарубежных стран и глобальные цепочки поставок. Н. Лэйн акцентирует внимание на том, что субсидии «копятся» в цепочках, где поддержка вводимых в них ресурсов может уменьшать издержки на ресурсы для производителей, которые занимаются последующей переработкой [9]. Аналогично поддержка добывающей отрасли (увеличение мощностей добычи) может привести к росту спроса на оборудование. Таким образом, субсидии играют искажающую роль не только для конкретной отрасли, но и для международной торговли в целом. Между тем растущая роль ТНК в ГЦСС свидетельствует о том, что предоставление государственных субсидий происходит на транснациональном уровне. Наконец, субсидии, предоставляемые в одной стране, могут привести к субси-

дированию в других странах. Так, налоговые стимулы для привлечения ПИИ приведут к гонке налоговых льгот, нанесут ущерб многим странам.

Новые дебаты по поводу применения субсидий концентрируются вокруг цифровизации и цифровых рынков. Субсидии на исследования и разработки могут вызывать рыночные сбои на развивающихся технологических рынках, где отдача от применения цифровых технологий высока. Также актуальным вопросом является применение субсидий в условиях кризиса, когда будут поддерживаться неплатежеспособные фирмы. Поддержка в условиях кризиса важна, но необходимо вовремя ее прекратить во избежание долгосрочных искажений. Наконец, важным вопросом является субсидирование государством альтернативных источников поставок для нужд ГЦСС, повышение устойчивости которых стало особенно актуальным в период пандемии и с началом СВО.

После глобального кризиса 2008 г. субсидии получили широкое распространение, и масштабы их применения превышали как нетарифные меры, так и сами тарифы. По данным Global Trade Alert, около половины вмешательств в торговлю в 2009–2021 были субсидиями¹. При этом большинство мер субсидирования применялись США, странами ЕС и Китаем. Также следует отметить, что резко увеличилось количество исследований в сфере применения компенсационных пошлин, что, вероятно, отражает увеличение размера субсидий со стороны зарубежных партнеров, а также усилия национальных компаний, которые конкурируют с импортом. При этом среди программ субсидирования наиболее распространены госзаймы, гарантии, налоговые льготы, субсидированные процентные платежи, льготное финансирование и гранты.

Важный источник промышленного субсидирования – финансирование ниже уровня рынка в форме, например, займа на льготных условиях. Наиболее часто субсидирование применяют в автомобилестроении и электроэнергетике. Широко распространена господдержка сельского хозяйства: на нее в 2018–2020 гг. со стороны госбюджетов ежегодно выделялось 447 млрд долларов, и более половины этой суммы шло на поддержку производителей².

Для того чтобы обеспечить прозрачность и предсказуемость в международной торговле, необходимо более глубокое международное сотрудничество в сфере субсидирования, практика которого широко распространена и продолжает развиваться. Однако это подрывает общественную поддержку открытой торговли, усиливает торговую напряженность и фрагментацию международной торговли. В целом фрагментацию усиливает тот факт, что стратегические решения компаний могут мотивироваться не повышением эффективности хозяйственной деятель-

¹ Global Trade Alert Database. – URL: https://www.globaltradealert.org/data_extraction (дата обращения: 03.01.2024).

² Там же.

ности, а государственной политикой. Обычно достижение устойчивости цепочек поставок компаний к шокам происходит посредством диверсификации источников поставок, однако компании стали использовать такие практики, как решоринг и ниашоринг, которые могут диктоваться соображениями национальной безопасности.

Мировые рынки сырья в условиях неопределенности и фрагментации

В условиях фрагментации торговли неопределенность в развитии отдельных сырьевых рынков возросла. При этом ряд структурных проблем (рост концентрации экспортных рынков, ведущей к асимметрии распределения доходов; рост технологического разрыва; непосильное долговое бремя; замедление инвестиций) стал ключевым для развивающихся стран. Сложившиеся принципы многосторонней торговой системы стали все чаще оспариваться, и тренд на ее раскол уже сложился, а также сложились признаки продолжения этого раскола. При этом волатильность рынков сырья усилилась. Так, например, в мае 2023 г. наблюдалось снижение совокупного индекса цен на сырье больше, чем на 30%, однако здесь наблюдалась существенная дифференциация: по энергетическому сырью снижение цен составило более чем 40%, по продовольственному – 2%, по рудам и металлам – 4% [7. – С. XXII]. Снижение мировых цен на сырье было связано с тем, что удалось перераспределить торговые потоки и стабилизировать рынки, а также с общим снижением мирового спроса, который отчасти был связан с медленным восстановлением китайской экономики.

Снижение мировых цен в первую очередь негативно отразилось на развивающихся странах – экспортерах продовольственных товаров, цены на которые до этого снижения почти демонстрировали исторические максимумы (до начала СВО), а затем уже – на странах, критически зависящих от импорта продовольствия. До мая 2023 г. многие мировые цены на продовольствие снижались. Однако по историческим меркам мировые цены на продовольствие все еще высоки, тогда как их снижение слабо воздействовало на внутренние цены, высокий уровень которых поддерживается большой задолженностью и слабостью национальных валют. Волатильность также была обусловлена спекуляциями продавцов сырья. В результате в странах Африки дефицит продовольствия в 2020–2023 гг. вырос в 3,5 раза.

Повышенная волатильность мировых рынков сырья в последние годы сопровождалась рекордными прибылями трейдеров на этих рынках. По самым скромным оценкам, на мировом рынке продовольствия лишь на 3 компании приходится 70% доли рынка, и для них были характерны высокие темпы роста прибыли именно в 2011–2022 гг. Таким образом, параллельно обострению проблем продовольственной безопасности для

многих стран корпоративные прибыли демонстрируют положительную динамику. Прибыль монополистических трейдеров на рынке продовольствия почти не доходит до местных фермеров в странах – производителях сельскохозяйственной продукции. Такие тренды обусловлены отсутствием должного регулирования международной торговли сырьем и контролем над спекуляциями и концентрацией на рынке. Многие финансовые учреждения также продолжают получать большие прибыли от волатильности сырьевых рынков. Компании-торговцы на рынке сырьевых товаров приняли на себя многие функции (страховые, финансовые, инвестиционные), ранее присущие банкам, заняв привилегированное и доминирующее положение в вопросах ценообразования и доступа к финансированию. Это позволило организовывать спекуляции на рыночных платформах, а также осуществлять внебиржевые операции, неподконтрольные правительствам развитых стран. Такая нерегулируемая деятельность – ключевой фактор роста корпоративных прибылей на мировых рынках продовольствия.

Фрагментация в развитии и регулировании международной торговли приводила к тому, что, например, компании по переработке зерна, имеющие доступ к информации о состоянии рынка, в большей степени заинтересованы в деятельности по хеджированию, которая становится для них ключевым источником прибыли. Обычно такое хеджирование в целях спекуляций осуществляют дочерние компании продовольственных ТНК за рубежом, которые, во-первых, отлично знают динамику и тренды развития рынков сельскохозяйственных товаров, во-вторых, имеют широкие возможности по хранению продукции (для избежания скачков цен; не раскрывая при этом объемы своих запасов). Внутрикорпоративные трансферты между дочерними и материнскими компаниями способствуют грамотному распределению прибыли между юрисдикциями.

В целом нерегулируемая финансовая деятельность в международной торговле продовольствием растет, равно как и влияние ключевых ТНК на эти рынки, что усложняет задачу управления спекуляциями на рынке. Общеизвестно, что исторически сложилась система деривативов (например, фьючерсов) на сельскохозяйственную продукцию, однако в нынешней глобальной торговле некоторыми видами продовольственного сырья она фактически изжила себя. Необходима новая система мониторинга деятельности дочерних компаний и происхождения их прибылей. При этом вряд ли рассматриваемые проблемы возможно решать лишь на уровне антимонопольного регулирования – необходимо серьезное реформирование промышленной политики.

Возможности адаптации глобальной торговли к вызовам фрагментации

В последние десятилетия вследствие изменений в характере торговой политики напряженность международной торговли нарастала. Либерализация международной торговли в виде уменьшения тарифов и таможенных процедур привела к серьезному прогрессу, однако, как показывает наше исследование, другие меры нетарифного регулирования, включая субсидии, напротив, получили свое распространение, порой весьма изощренное. Кроме того, в результате информационной революции 1980-х гг. и снижения тарифов стали резко расти ПИИ и развиваться ГЦСС. Фрагментация международного производства привела к новым побочным эффектам в торговле.

Многосторонняя система регулирования международной торговли требует адаптации к новым сбоям и рискам. В частности, важная роль должна отводиться противодействию практикам искажения торговли (которые получили широкое распространение в форме различных барьеров доступа стран на рынок и промышленных субсидий); использованию торговой политики в альтернативных целях (например, исходя из соображений внутренней политики стран); эрозии механизма разрешения споров в рамках ВТО. В контексте достижения прогресса по указанным вопросам следует отметить, например, Соглашение о субсидиях в рыболовстве, ставшее первым с 2013 г. многосторонним соглашением в рамках ВТО¹. В качестве примера можно указать то, что закупки в рамках Всемирной продовольственной программы были освобождены от экспортных ограничений. В частности, для решения обозначенных выше проблем хорошим подспорьем могли бы служить так называемые глубокие региональные торговые соглашения.

Для того чтобы продолжать реформы в регулировании международной торговли, необходимы более жесткие и строгие многосторонние правила относительно субсидий и передачи технологий – одних из ключевых проблем, вызывающих сегодня напряженность и фрагментацию в торговле. Кроме того, необходимы новые соглашения в сфере услуг и электронной коммерции – относительно новых и еще не отрегулированных сферах торговли.

Еще одним важным аспектом является громоздкость самой системы ВТО, включающей 164 страны-члена, поэтому в рамках этой организации стало все сложнее принимать ключевые решения. Глубокие ПТС, выходящие за пределы ВТО, но соответствующие ее требованиям, а также плюрилатеральные соглашения, создаваемые на базе ВТО и между его членами, могут стать надежными альтернативными подходами к регулированию торговли. В идеальном варианте такие соглашения должны

¹ Agreement on Fisheries Subsidies. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/rulesneg_e/fish_e/fish_e.htm (дата обращения: 11.03.2024).

быть открытыми, т. е. предполагать допуск в них любых стран-членов, а также недискриминационными, применяя режим наибольшего благоприятствования, не дискриминируя разных иностранных поставщиков услуг или производителей.

Вместе с тем ВТО допускает исключение для ПТС принципа недискриминации. Это обеспечивает их гибкость и, соответственно, популярность. Именно поэтому в 1990–2023 гг. число таких соглашений возросло с 50 до более чем 300, а многие из них стали глубокими, т. е. охватили дополнительные сферы политики, включая субсидии, правила конкуренции, инвестиции, например, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПР). Практика международной торговли показала, что углубление ПТС способствовало росту торговли между его членами, а также со странами, не входящими в соглашение. Помимо ПТС, в рамках ВТО в последние годы ведутся дискуссии по поводу плюрилатеральных соглашений, которые охватили бы внутреннее регулирование услуг, содействие инвестициям, вопросы электронной коммерции. Эти соглашения перспективны в силу того, что они нацелены на улучшение координации регулирования, т. е. минимизацию разногласий между странами.

Заключение

Наше исследование показало многогранность проблем, связанных с фрагментацией международной торговли и ее распределительными последствиями для развития мировой экономики в целом. Пока сложно оценить масштабы и последствия фрагментации международной торговли, однако рост ее глубины, безусловно, ведет к увеличению издержек. Потери от фрагментации выражаются в росте импортных цен, ограничении доступа стран к технологиям и необходимой рабочей силе и сегментации мировых рынков. В итоге указанные обстоятельства снижают производительность, уровень жизни и глобальный экономический рост.

Для преодоления фрагментации в международной торговле необходимы не только меры торговой, но и макроэкономической политики, нацеленные на уменьшение глобального неравенства, разработку нового, скоординированного на международном уровне подхода к регулированию международной торговли сырьем; решение проблемы перегруженности заимствованиями и распространения долгового кризиса в развивающихся странах; обеспечение доступа стран к передаче технологий и финансам для осуществления декарбонизации экономики.

В целом бесспорным является рост издержек вследствие фрагментации торговли, однако если фрагментация будет технологической (т. е. охватывать трансфер технологий), то негативные последствия будут гораздо шире, чем если между странами были установлены барьеры лишь в торговле товарами (поскольку производительность как основа

благополучия многих стран обусловлена импортом их технологий). Можно сделать вывод, что развивающиеся страны находятся в зоне риска вследствие фрагментации торговли, поскольку они утрачивают доступ к разработкам и новейшим технологиям. В свою очередь реконфигурация ГЦС вследствие фрагментации будет дорогостоящей и долгой, как это подтверждается современными исследованиями [4].

Кроме того, много вопросов до сих пор остается по поводу применения субсидий в международной торговле, что требует улучшения обмена данными между странами, а также глубокого анализа самих субсидий, их воздействия на экономику и побочных негативных эффектов для фрагментации международной торговли.

Список литературы

1. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2021: Addressing the Challenges Facing Food Systems. – Paris. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/2d810e01-en/index.html?itemId=/content/publication/2d810e01-en> (дата обращения: 16.04.2024).
2. Aiyar S., Chen J., Ebeke C. et al. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism // IMF Staff Discussion Notes (SDNs). – 2023. – N 2023/001.
3. Baier S., Bergstrand J. The Growth of World Trade: Tariffs, Transport Costs, and Income Similarity // Journal of International Economics. – 2001. – Vol. 53. – N 1. – P. 1–27.
4. Boehm C. E., Levchenko A. A., Pandalai-Nayar N. The Long and Short (Run) of Trade Elasticities // American Economic Review. – 2023. – Vol. 113. – N 4. – P. 861–905.
5. Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? // The World Bank Economic Review. – 2020. – Vol. 34. – N 1. – P. 121–142.
6. Evenett S. J. What Caused the Resurgence in FDI Screening? // SUERF Policy Note. – 2021. – N 240.
7. Growth, Debt and Climate: Realigning the Global Financial Architecture : Trade and Development Report. UN, UNCTAD, 2023.
8. Investing in Sustainable Energy for All : World Investment Report. – New York, UN, UNCTAD, 2023.
9. Lane N. (2022). Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3890311 (дата обращения: 23.03.2024).
10. Leruth L., Mazarei A., Régibeau P., Renneboog L. Green Energy Depends on Critical Minerals. Who Controls the Supply Chains? // PIIE Working Paper. – 2022. – N 22-12.

11. Subsidies, Trade, and International Cooperation. International Monetary Fund. – Washington, DC, 2022.

References

1. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2021: Addressing the Challenges Facing Food Systems. Paris. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/2d810e01-en/index.html?itemId=/content/publication/2d810e01-en> (accessed 16.04.2024).
2. Aiyar S., Chen J., Ebeke C. et al. Goeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. *IMF Staff Discussion Notes (SDNs)*, 2023, No. 2023/001.
3. Baier S., Bergstrand J. The Growth of World Trade: Tariffs, Transport Costs, and Income Similarity. *Journal of International Economics*, 2001, Vol. 53, No. 1, pp. 1-27.
4. Boehm C. E., Levchenko A. A., Pandalai-Nayar N. The Long and Short (Run) of Trade Elasticities. *American Economic Review*, 2023, Vol. 113, No. 4, pp. 861-905.
5. Constantinescu C., Mattoo A., Ruta M. The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? *The World Bank Economic Review*, 2020, Vol. 34, No. 1, pp. 121-142.
6. Evenett S. J. What Caused the Resurgence in FDI Screening? *SUERF Policy Note*, 2021, No. 240.
7. Growth, Debt and Climate: Realigning the Global Financial Architecture. Trade and Development Report. UN, UNCTAD, 2023.
8. Investing in Sustainable Energy for All. World Investment Report. New York, UN, UNCTAD, 2023.
9. Lane N. Manufacturing Revolutions: Industrial Policy and Industrialization in South Korea. (2022). Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3890311 (accessed 23.03.2024).
10. Leruth L., Mazarei A., Régibeau P., Renneboog L. Green Energy Depends on Critical Minerals. Who Controls the Supply Chains? *PIIE Working Paper*, 2022, No. 22-12.
11. Subsidies, Trade, and International Cooperation. International Monetary Fund. Washington, DC, 2022.

Сведения об авторе

Евгений Николаевич Смирнов
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой
экономики и международных
экономических отношений ГУУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», 109542,
Москва, Рязанский проспект, д. 99.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru

Information about the author

Evgenii N. Smirnov
Doctor of Economics, Professor,
Head of World Economy and International
Economic Relations Department of SUM.
Address: State University
of Management, 99 Ryazan Avenue,
Moscow, 109542,
Russian Federation.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru